

Лев Гурский

Корвус
Коракс

Роман

Лев Гурский
Корвус Коракс

«WebKniga»

2019

Гурский Л.

Корвус Коракс / Л. Гурский — «WebKniga», 2019

ISBN 978-5-9691-1888-1

Место действия романа – сегодняшняя Москва, где отсутствует интернет, нет компьютеров, мобильных телефонов и даже телевидения, зато есть Большой Грязный Секрет. Его хранители думают, что сумели скрыть правду о прошлом. Они надеются сохранить в тайне то, что может произойти завтра. Но кое-что они упустили... Новый фантастический детектив Льва Гурского, автора бестселлеров «Убить президента» и «Перемена мест», – не мрачная антиутопия и не роман ужасов. Наоборот, это весело и совсем не страшно. Поначалу. Ведь все самое неприятное имеет обыкновение подкрадываться к нам внезапно – и оттуда, откуда его не ждешь.

ISBN 978-5-9691-1888-1

© Гурский Л., 2019

© WebKniga, 2019

Содержание

От автора	6
Глава первая. Зайка в перьях	7
Глава вторая. Палимпсест	15
Глава третья. Продать прадедушку	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лев Гурский Корвус Коракс

© Leo Gursky, 2019

© «Время», 2019

* * *

Издательство не несет ответственности за беспочвенные фантазии автора.

Автор не несет ответственности за случайные совпадения имен и фамилий персонажей, а также названий городов, стран и континентов.

Таким образом, вся ответственность в полном объеме ложится на читателей этой книги.

Посвящается моей жене Лене.

Спасибо, что не боишься.

От автора

Представьте, что в 1876 году Александр Грэхем Белл *не* изобрел телефон. В 1877 году Томас Альва Эдисон так и *не* сумел записать человеческий голос. В 1895 году так и *не* состоялся первый киносеанс братьев Луи и Огюста Люмьер. В том же году ни Гульельмо Маркони, ни Александр Попов, ни многие другие *не* придумали беспроводной телеграф. В 1923 году Владимир Зворыкин *не* подал патентную заявку на телевидение... Думаете, в XXI веке мир со столькими технологическими «*не*» сильно бы отличался от того, к которому все мы сегодня привыкли? Наверняка отличался бы. Но не уверен, что сильно...

Глава первая. Зайка в перьях

Сделаем глубокий вдох. Теперь выдох. У музыкальных магазинов – больших, малых или средних, как этот новый, на Охотном Ряду, – есть общая примета: все они воняют. Этот запах, если постараться, можно перебить крепкими духами, но я не припомню, чтобы хозяева подобных заведений тратились на парфюм. Ну и не надо. Такие мелочи здорово облегчают мою работу.

«Иннокентий, не верь глазам своим, – говорит обычно мне шеф. – Верь носу. Из всех органов чувств его обмануть труднее всего».

Прежде чем нанести визит в свежееоткрытый магазинчик «Сиди и слушай», я вдумчиво обнюхал ближайшие к нему дворы. Не то, не то, опять не то... Секундочку! Вот здесь, похоже, оно самое. Умница нос не подвел. Метрах в пяти от витрины новой музыкальной лавки, между киоском «Роспечати» и полосатой будкой «Би-Лайма», обнаружилась малозаметная арка, прикрытая чугунным кружевом ворот. Замка на воротах не было, а запах, наоборот, был.

В сумрачном внутреннем дворике за аркой громоздились по углам десятки пустых фанерных ящиков без официальной таможенной маркировки – очень приметная тара. К здешнему запаху прибавились и сопутствующие звуки откуда-то сверху: шелест, щелчки, обрывки известных мелодий и неразборчивый, но явный вокал. Типичный склад пиратской аудиопродукции. С отдельным входом, он же аварийный выход. Что и требовалось доказать.

Я вновь вернулся на улицу, извлек из бокового кармана плаща заранее заготовленный карандаш и, воровато оглядевшись, поплотнее вбил его в пустую замковую скобу ворот. Для страховки. Дерево, понятно, не сталь, но всякого, кто пожелает сегодня вынести отсюда товар, такой фокус задержит минут на пятнадцать.

– Здрасьте! – сказал я, открывая дверь в магазин.

За овальным прилавком у подножия лестницы, ведущей на второй этаж, скучал белобрысый продавец, по виду – мой ровесник. Он бросил на меня пристрелочный взгляд, не нашел во мне ничего сколько-нибудь достойного внимания и лениво процедил: «Здра...»

Эх, дилетант. И это называется конспирация? Оглянись, дурачок! Где твоя учтивость? Где непременная спутница бизнеса – маска фальшивой приветливости? Разве в твоей лавочке есть, кроме меня, другие посетители? Разве ты не должен сейчас вокруг меня хип-хоп отплясывать, лишь бы я хоть что-то здесь купил? Вместо этого у тебя, дружок, на лбу крупными буквами написано одно пожелание: ШЕЛ бы ТЫ ОТСЮДА! Ну-ну. Допустим, я не понимаю тонких намеков.

– Сольник Киркорова у вас почему? – бодрым тоном спросил я.

– Три пятьсот, – буркнул белобрысый.

– А чего ж так дорого? – разыграл я удивление.

– Потому. Что. Подарочное. Издание, – с недовольством чеканя каждое слово, ответил продавец. – Импортный. Носитель. Плюс. Дизайн. Футляра. От. Тёмы. Лебедева. Плюс. Кристаллы. Сваровски.

– Может, у вас есть то же самое... э-э-э... на наших носителях?

– Филиппа. Бедросовича. На. Отечественных. Не. Пишут. Фирма!

– Жа-а-а-аль, – протянул я. – На отечественных я бы, пожалуй, взял, причем не один, а мелким оптом, сразу десяток. В Жулебине у нас народ простой, за кристаллы и за Тёму платить не хотят...

В детстве пятилетний мальчик Кеша верил сказкам про единственное волшебное слово «пожалуйста». С годами приходят и новые знания. Теперь, когда мальчику уже двадцать пять, в запасе у него сразу несколько таких заветных слов. И «оптом» – важнейшее среди них.

Впервые за весь наш разговор в глазах продавца мелькнул проблеск интереса. Так-так-так, искру я заронил. Если действовать с умом, можно раздуть костерок. Я включил на полную мощь самую честную из своих улыбок. «С такой-то мимикой тебе, Иннокентий, надо было не к нам идти, а сразу в наперсточники, – говорит шеф в минуты раздражения. – Или строить финансовые пирамиды. Реальные, между прочим, бабки мог бы сейчас заколачивать шутя и играя».

– Десяток... десяток... – вслед за мной повторил белобрысый.

Я видел, как он колеблется. Открылись они только что – значит, новая клиентура нужна позарез. Но не с улицы же ее брать?

– А может, и больше, – продолжал я искушать белобрысого, – и мно-о-о-ого больше. Как договоримся с вашим главным. Музыкалка в Жулебине уходит неплохо, все зависит от начальной цены.

Продавец просверлил меня взглядом, в котором сомнения и согласия было пятьдесят на пятьдесят. Вот он, момент истины: сейчас меня либо к сердцу прижмут, либо на фиг пошлют. Ну же, выбирай сам. Давить я на тебя не стану – на первом этапе сильный нажим подозрителен. Но там, где наваливаться опасно, можно чуть-чуть, в одно касание, подтолкнуть. Без слов. Ответить на его взгляд улыбкой Хорошего Парня, Которому Можно Верить Запросто.

Чаши весов дрогнули. Продавец развернулся к лестнице, задрал голову – туда, где за перилами виднелась дверь, – и проорал:

– Дядь Жень! Тут человек пришел, Киркоровым интересуется!

Минуту-другую ничего не происходило. Но затем дверь все же приотворилась – ровно настолько, чтобы оттуда могла высунуться голова. Рыжая, лет пятидесяти, с большой центральной залысиной.

– В количестве? – спросила голова, рассматривая меня сверху.

Вместо ответа я показал ему две растопыренные ладони.

– Поднимайтесь ко мне, обсудим, – позволила рыжая голова.

Клюнуло! Первое собеседование и фейс-контроль я прошел и, стало быть, допущен к менеджеру. В такие минуты чувствуешь себя не скромным работником ФИАП, а почти самим великим асом Фишером.

От радости мне хотелось преодолеть лестницу в два прыжка. Но я сдержал себя и поднялся на третий этаж степенно, с достоинством оптовика, пускай и мелкого. Неподалеку от лестницы виднелась дверь без опознавательных знаков. Рыжий, распахнув ее, пригласил меня войти. На обстановке здесь явно сэкономили. Комната-коробка была оклеена дешевыми обоями василькового цвета и обставлена небогатой офисной мебелью: три шкафа, три стола и два стула. Один стол был завален пожелтевшими проспектами, два других занимали образцы товара – сплошь лицензионные.

Я, собственно, и не надеялся увидеть контрафакт сразу. Пока меня допустили не на склад, хотя и он, я чувствовал, находится где-то рядом, едва ли не через стенку. У всякой уважающей себя пещеры Али-Бабы есть предбанник – последний рубеж на пути к сокровищам.

Рыжий хранитель пещеры любезно указал мне на один из стульев. Сам же присел на край стола с образцами и представился:

– Евгений Петрович. Это для начала. На Петровича или дядю Женю буду отзывать, как только мы с тобой подружимся... Кстати, а у тебя, добрый молодец, есть какое-нибудь имя?

– Иннокентий Викторович, – в тон ему ответил я. Вместо Улыбки Хорошего Парня я уже приклеил к лицу Улыбку Взрослого Делового Человека. – Пока где-то так. Не знаю, как там насчет дружбы, но если сойдемся в цене, сможете называть меня просто Кэш.

Евгений Петрович, а в будущем дядя Женя, принял мое нахальство к сведению и сделал ответный ход: пододвинул ко мне все то же подарочное издание Киркорова, которое я заметил еще внизу.

Носителем фонограммы был тут белоснежный австралийский какаду с кривым черным клювом, блестящими глазами навывкате и ярко-желтым хохолком. Внешне птица чем-то напоминала самого певца – когда бы Филипп Бедросович пожелал наконец объединить в один ансамбль строгий, без изысков, концертный фрак и раскрашенный панковый гребень на выбритой макушке. Для красавца попугая его клетка-дворец с позолоченными прутьями и крупной бижутерией по окружности доньшка выглядела перебором. Будь домик поскромней, птица в нем смотрелась бы куда эффектней. Зря, по-моему, звезды шоу-бизнеса доверяют дизайн Тёме Лебедеву. Заказчики клюют на раскрученный бренд, а хитрый Тёма над ними прикалывается.

– Вот, пожалуйста, фирменная запись с концерта Филиппа в Доме Союзов. – Менеджер тряхнул остатком рыжих кудрей. – От «Мьюзик Рекордс», качество супер. Берешь десяток, уступаю по три двести.

Ага, прямо десяток у вас, так я и поверил! Даже если устроить тут грандиозный шмон силами спецназа и перетряхнуть все снизу доверху, импортных птичек с Киркоровым наверняка найдется не более трех экземпляров: один для витрины, один для прилавка и еще один, чтобы втереть очки налоговой. В России только очень крупные фирмы используют привозные болванки, и то для мизерных коллекционных тиражей. С каждой зарубежной птицы надо ведь еще отстегивать денежку и Ростаможне, и Ветнадзору, и Минкульту, и Никите Сергеичу. Так что массовые тиражи на импортных носителях пишут крайне редко – больно уж маржа смешная. Без левака производитель наварит пять копеек с рубля, а с леваком все пятьдесят. Ну и какой дурак откажется от сверхприбылей? Законопослушные торговцы музыкой – такая же абракадабра, как отрицательные числа. В школе мы их проходим, но в реальной жизни они не встречаются.

– Вы это серьезно? – спросил я, кивая на лицензионного какаду.

– А что? – Рыжий по-прежнему ломал комедию. Не все фигуры ритуального танца первого знакомства были пройдены. Я-то думал, что он сам сократит церемонию. Но раз нет, придется ему помочь.

– Был очень рад с вами поболтать, – объявил я и начал приподниматься. – Увы, мне пора. Извините, дела.

– Спокойнее, спокойнее. – Рыжий примирительным жестом усадил меня обратно. – Какая у нас нервная, однако, молодежь. Чуть что им не так, сразу на дыбы... Ты куда-то сильно торопишься?

– Двадцать первый век – век скоростей, Евгений Петрович, – напомнил я менеджеру. – Семь с половиной тысяч километров от Москвы до Нью-Йорка дирижабль «Андрей Рублев» пролетает всего за тридцать шесть часов. А я в вашем уважаемом магазине уже скоро полчаса, и мы с вами пока не сдвинулись ни на метр. Это обидно.

Рыжий менеджер глянул на меня испытующе. Я на него в ответ – честно-пречестно. Порядочная девушка, как известно, при первом свидании только присматривается и никогда не соглашается. Те же правила стараются соблюсти и торговцы пираткой: когда есть время прощупать незнакомого дилера, риск напороться на инспекцию уменьшается вдвое. С другой стороны, долго хранить крупную партию левака – тот еще геморрой. Во-первых, носители требуют ежедневного ухода. Во-вторых, шила в мешке не утаишь: либо стукнут прохожие, либо хакнут конкуренты. Место здесь людное, а нюх на свежий помет – не у меня одного. В магазине этом сторожа не держат, замки пустячные – такие даже я, если приспичит, вскрою без специальной отмычки... Короче, в тех случаях, когда новый дилер подозрений не вызывает, процедуру могут ужать. На это я и рассчитывал. Быстрота плюс обаяние – мой стиль.

– Ты, значит, хочешь прикупить Филиппа на родных болванках? – спросил у меня наконец рыжий менеджер.

– Именно так, Евгений Петрович, – ответил я. Лицо мое хранило невозмутимость, но душа пела. Процесс пошел, я в игре!

– Тогда тебе надо знать наши условия. Мы торгуем из расчета четыреста пятьдесят за птичку, стало быть, в количестве – по четыреста. Предоплата сто процентов. Вы берете у нас не меньше десяти и ставите у себя в розницу примерно по семьсот. Цену особо не задирайте. Дело, конечно, ваше, но товар подвиснет. Демпинговать не советую: вы на рынке не одни. Согласен?

– Очень заманчиво, дядя Женья, – сказал я. – Отпускная цена божеская, а с демпингом у нас строго, не волнуйтесь. Я готов взять партию хоть сейчас, налик есть. Дело за малым – надо проверить качество фонограммы. Как бы мне образец послушать?

До сих пор мы ходили у закона по краешку, но не переступали его. Разговоры ненаказуемы, зато живой образец – реальный шаг к криминалу. Однако сказавши «а», ты не можешь останавливаться на первой букве алфавита. К тому же состязание по гляделкам я могу выиграть даже у своего шефа, а здешнего перегляжу и подавно.

– Образец ему сразу... Ишь быстрый какой! – заворчал рыжий, но больше по инерции. – Ладно, жди, сейчас вынесу демоверсию.

Из нашей комнаты дядя Женья переместился в соседнюю. Хотя дверь он прикрыл плотно, на слышимость это не повлияло. Сперва до меня донеслись шум многих крыльев, карканье, похожее на старческий кашель, и скрежет когтей по металлу. Потом прорезался знакомый тенор, который с печальной хрипотцой сообщил о том, что у него устали ноги и что пока он сидит под деревом, играет на гитаре, а затем опять пойдет куда-то – влюбленный и безумно одинокий.

Мысленно я возликовал: весь товар прямо за стеночкой! Теперь бы еще узнать, сколько его там, – и можно раскрывать карты.

Через несколько минут дядя Женья возвратился с железной клеткой самого что ни на есть простецкого пошиба. Между этим решетчатым казематом из прутьев и позолоченным дворцом работы Арт. Лебедева сходства было не больше, чем между двумя жильцами клеток. Белый импортный носитель выглядел преуспевающим и довольным, а черный отечественный – грустным и неухоженным. Ворон был довольно скромного размера. Грязно-серое перышко в левом крыле носителя смахивало на неопрятную седину бомжа.

– Какой-то он мелкий и обшарпанный, – вслух пожаловался я. – Вся партия, что ли, такая? Тогда, может, скинете еще двадцаточку с клюва?

– Ну да, размечтался! – буркнул дядя Женья. – Больше никаких скидок, хорош. Все болванки в норме, тест-драйв прошли в штатном режиме. И вообще, я не понял: тебе саундтрек нужен или экстерьер?

– В идеале и то и другое бы не помешало, – вздохнул я, – но за четыреста рэ, догадываюсь, чудес не бывает. Давайте слушать.

Дядя Женья извлек из ящика стола двузубую вилку камертона и трижды, с интервалом в секунду, провел им по железным прутьям клетки ворона – дрынь! трынь! брынь! После первого раза носитель встрепенулся, после второго тревожно завертел головой, а после третьего щелкнул клювом и начал, слегка заикаясь:

– П-предупреждение. Д-данная а-аудиопродукция я-является с-сертифицированной. В-все п-права з-защищены...

Каждая пиратская запись начинается с этого наглого вранья, которое раз за разом озвучивают сами производители контрафакта. Уловка гениальна по своей простоте. Несколько лживых фраз – и в законе пробита брешь: покупатель контрафакта перестает быть соучастником и тут же становится обманутым потребителем. Что характерно, обе стороны играют в одни ворота. Пиратка небрежно притворяется фирмой, а гражданин у лотка косит под простачка. Делает вид, гад, будто верит, что за бросовую цену получает легальный продукт. Разве он, гражданин, обязан разбираться в носителях? Попробуй, инспектор, придерись. Не лицензия? Ай-ай, какие жулики! Пойду ли с заявой в суд? Не-а, возиться неохота.

– Оболочку промотайте, – потребовал я, – и перейдем уже сразу к Филиппу. Какой там у него самый раскрученный хит? «Зайка»?

Память пернатых устроена так, что на нужную дорожку можно выйти сразу – или по названию песни, или по любому из ключевых слов. А если у тебя хороший слух, ты можешь просто насвистеть мелодию.

– Зай-ка, – произнес менеджер по слогам, наклоняясь к прутьям.

Ворон, который тем временем добрал уже до «о-ответственности з-за н-незаконное т-тиражирование», поперхнулся. Умолк, откашлялся, потоптался по клетке и завел голосом Киркорова:

– Зайка моя, я твой зайчик, ручка моя, я твой пальчик...

Судя по звуку, дорожку писали с качественной промокопии. Тембр был на уровне, низкие частоты проработаны на твердую четверочку.

– Недурно, – признал я, – а теперь чего-нибудь про любовь.

– Лю-бовь, – подсказал ворону дядя Женя.

– ...любовь безумной птицей разобьет твоё окно, – откликнулся носитель. Вид у него был недовольный, даже брезгливый. – Снова буду тебе сниться, буду сниться все равно, эх, все равно...

Вот почему наши певцы предпочитают импортные носители, думал я, глядя на ворона. Попугаи своим видом демонстрируют уважение, а вороны – наоборот. В их манерах поп-звездам чудится некий вызов. Хотя на самом деле птичкам пофигу, что именно запоминать и что исполнять. Мудреные тексты или простые – все усваиваются одинаково... но продаются, конечно, по-разному. Мне еще не встречались, например, пиратские записи аудиокниг. Ну, по крайней мере, книг для взрослых. То, что чуть сложнее Сергея Михалкова и Агнии Барто, массовым спросом у нас в стране не пользуется.

– Все, отключайте его, беру, – сказал я. – Пока десять, как договаривались, а вечером подгоню тачку побольше и возьму еще дважды по столько. Найдется к вечеру еще десятка два Филиппков?

Вопрос я задал самым небрежным тоном, на какой был способен.

– Найдется, без проблем, – успокоил менеджер. Обеими руками он приподнял воронью клетку-каземат и чуть встряхнул ее. Носитель, щелкнув клювом, умолк на середине слова «сердце». – Товар свеженький, только вчера завезли. Хоть сотню бери, хоть три...

С этой минуты можно было уже не шифроваться. Я сделал лицо кирпичом, вынул удостоверение и представился по форме:

– Иннокентий Ломов, Федеральная инспекция по авторским правам. Вы обвиняетесь в хранении и распространении контрафактной продукции. Выдадите ее добровольно или окажете сопротивление? Сопротивление, напоминаю, карается сроком до трех лет.

Пират пирату рознь. За время службы я успел привыкнуть к самым изощренным матам при исполнении. Были в моей практике и два случая небольшой потасовки с мелким членовредительством. Однако дядя Женя, надо отдать ему должное, оказался на высоте. Тратить силы на пустую брань и тем более на рукоприкладство он не стал, а первым делом накинулся на предъявленный документ: тщательно сравнил лицо с казенной литографией, деловито изучил подписи и, вооружившись лупой, проверил печать. Придраться было не к чему. Уж тут не подкопаешься, дорогуша, я теперь ученый. В самом начале моей работы один ловкач сумел меня отфутболить из-за чепухи – у нас в отделе кадров забыли продлить срок действия удостоверения.

– Ну ты орел, Иннокентий Ломов! – сказал он, возвращая мне документ. Даже через силу улыбнулся. – Подловил, как ребенка. А ведь у меня, ей-богу, сразу екнуло в желудке: больно уж рожица у тебя открытая. Не иначе, думаю, кидала. Я-то, грешным делом, больше боялся, что ты мне куклу всучишь вместо бабок, или будешь трясти липовой ксивой, или как-нибудь

еще попробуешь развести на динамо... Но про то, что ты натуральный инспектор, – нет, врать не буду, сроду бы не догадался. Ладно, леший с тобой, сочини свой акт. Сопrotивления не окажу, я ж не идиот.

Два листка акта выдачи с вложенным между ними листом копирки были у меня уже заготовлены. Я даже графы заранее заполнил на три четверти – оставалось только вписать имя злоумышленника и две строчки сведений о характере и количестве левака. После чего нарушитель конвенции должен был оставить внизу свое факсимиле, а я опечатать склад и отбить победную депешу в ФИАП. Работы минут на двадцать или от силы полчаса. Расчехлив новенький служебный «паркер», я приступил к самой приятной на сегодня церемонии.

– Мною... – начал я. – Диктуйте фамилию, имя, отчество...

– Шишкарев Евгений Петрович, – подсказал рыжий. Не так уж он, однако, был невозмутим, каким хотел показаться. Краем глаза я заметил, что пальцы менеджера нервно танцуют по столешнице и передвигают взад-вперед клетки с фирменными попугаями.

– Мною, Шишкаревым Евгением Петровичем, – я аккуратно вписал его данные, – в ходе проверки оптово-розничной торговой точки ООО «Сиди и слушай» была добровольно выдана инспектору ФИАП Ломову Иннокентию Викторовичу нелегальная аудиопродукция в количестве... Вы ведь не отрицаете, что товар контрафактный?

– Не отрицаю, – уныло согласился со мной рыжий менеджер. Он машинально дрынькнул длинным ногтем вверх-вниз по прутьям клетки с образцом и пожаловался встрепенувшемуся ворону: – Эх, птица божия, сторел я, как свечечка. Как свечка...

Отечественный носитель, вообразив, будто ему дана команда на исполнение, тотчас же отозвался на ключевое слово из репертуара Филиппа. И дисциплинированно гаркнул во все вороново горло:

– ...свечка! Ты генерал, я погоны! Ты паровоз, я вагоны! Крестик ты мой, я твой нолик! Ты мой удав, я твой кролик! Ты побежишь, а я рядом! Ты украдешь, а я сяду!..

Никогда прежде я не слушал Киркорова на максимальной громкости – у меня аж уши заложило. Эффект от вокала оказался до того силен, что на складе через стенку проснулись, завозились, застонали и захлопали крыльями все прочие собраты по Филиппу. Мне почудилось, что там, за стеной пронесся мощный порыв ветра, от которого дружно зазвякали оконные стекла.

– Тихо! Цыц! – прикрикнул я на оглушительную птичку, призывая к порядку и носителя, и его владельца. – Евгений Петрович, гражданин Шишкарев, отключите фонограмму! Ну! Если вместо вас это сделаю я, придется вписать в акт строчку о саботаже. Хотите?

Гражданин Шишкарев опять встряхнул клетку с вороном, и тот, к моему облегчению, прекратил пытку «Зайкой». Я опять мог вернуться к служебным обязанностям. На чем же я остановился? Как голова трещит! А, вижу, третья строка сверху не заполнена.

– Значит, контрафактный товар в количестве... – Я сделал паузу, ожидая немедленной подсказки. – Ну? Сколько их у вас?

– Сколько? Их? – переспросил рыжий менеджер, к чему-то напряженно прислушиваясь. – Не понял: сколько чего?

– Ну не пирожков же с капустой! – рассердился я. – Носителей, разумеется. Мне нужно точное количество экземпляров. У меня в руках стандартная форма акта, и вам уж она наверняка знакома. Вот, третья строка сверху. Повторяю еще раз: сколько у вас контрафактных записей? Или мне самому пойти пересчитать?

– Прости, задумался о своем, – сказал рыжий. И вдруг ни с того ни с сего хихикнул. – Так ты хочешь знать, сколько штук? Ставь в графе единицу, а рядом прописью – «один экземпляр».

– Сколько-сколько-сколько? – Мне показалось, что я ослышался.

– Один! – с удовольствием повторил менеджер, указывая пальцем на грустного ворона в клетке. – И он, как видишь, перед тобой. Чистосердечно признаюсь, да, ошибочка вышла, один

экземпляр контрафакта случайно затесался. Это, насколько я знаю, мелкое административное правонарушение. Штраф до двухсот рублей...

– Что значит «один»? – Я даже ошалел от такой внезапной и, главное, немотивированной наглости дяди Жени. Ведь еще минуту назад рыжий был покладистым и пушистым. Мозги у него, что ли, заклинило от огорчения? – Гражданин Шишкарев, вы меня тут за дурачка не держите. Мы только что говорили о партии товара...

– Так это... – развел руками гражданин Шишкарев. – Ну типа пошутил я. Чувство юмора у меня безобразное, факт. Вижу, паренек пришел за болванками, вот я и решил тебя чуток разыграть. Я ж не знал тогда, что ты из ФИАП. Иначе бы ни за что не осмелился...

– А ну бросьте придуриваться! – одернул я рыжего. – Не усугубляйте вины. Я посчитал пустую тару у вас во дворе. По самым грубым прикидкам, контрафакта здесь тысяч на двести, а это уже считается «в особо крупных», имейте в виду... И кстати, вынести со склада ничего не удастся. У меня все под контролем.

– Уважаемый Иннокентий Викторович, ты глубоко ошибаешься, – вкрадчивым голосом произнес рыжий. – Никто ничего никуда не выносит. Потому что, извини, выносить не-че-го. Кто эти ящики внизу оставил, я без понятия – у нас там ворота не запираются. А что касается склада, то, кроме фирменных образцов и вот этого случайного экземпляра, ничего другого мы не держим. Новый товар не подвезли. Не веришь, сам осмотри складское помещение. Прошу!

Менеджер гостеприимно распахнул дверь в соседнюю комнату.

Что за наваждение! Я протер глаза. Птичий запах по комнате еще витал, но товара уже не было. Никакого! Все четыре окна во двор были распахнуты настежь, и так же были распахнуты не меньше четырехсот клеток-боксов, выстроенных возле окон амфитеатром, в несколько ярусов. Приглядевшись, я заметил на полу и на подоконнике несколько черных перьев. Ну и дела! У моих друзей, братьев-близнецов Эрика и Эдика Бестужевых, в прошлом штатных иллюзионистов «Росгосцирка», а ныне истопников в главном здании ФИАП, был коронный трюк с появлением четырех голубей из пустой шляпы. Однако фокус с мгновенным исчезновением трех сотен вещественных доказательств, я думаю, даже им не под силу...

– Черт, черт, как вы это сделали?!

– Двадцать первый век, милый мальчик, – самодовольно произнес рыжий, – это век не только скоростей, но и электричества. Есть такая штука – электромеханическое реле. Если предположить... ну теоретически... что в той комнате, где мы беседовали, спрятана некая тревожная кнопка, а все клетки на складе оборудованы несложными реле, то после нажатия кнопки все дверцы открываются, а их доньшки – тут пластинки, видишь? – начинают слегка вибрировать. Птицам... если бы они, повторяю, в клетках были, хотя их, сам понимаешь, там не было... так вот, им ничего не остается, как вылететь в окна. То есть контрафакта в особо крупных нет. И статьи тоже нет. Давай я подпишу акт...

Я тупо повертел в руках бесполезную бумажку, порвал ее в мелкие клочья, а клочья высыпал под ноги коварной сволочи гражданину Шишкареву Е Пэ. Предъявлять в инспекцию единичный экземпляр пиратского носителя – значит, выставить себя на посмешище.

– Было приятно познакомиться, – сказал Евгений Петрович с легкой, почти дружелюбной издевкой в голосе. – Нет, правда приятно. Такой целеустремленный, такой решительный молодой инспектор... Вот только уже не такой уверенный в себе, как раньше.

Должно быть, я потерял контроль над лицом и действительно выглядел как первоклассник, который обкакался на уроке пения.

Менеджер прошел мимо меня обратно в комнату для переговоров и вернулся оттуда с вороном-носителем в руках – уже без клетки.

– Хочешь забрать на память? Да? Нет? Ладно, молчание – знак несогласия. – Рыжий опустил птицу на подоконник.

Ворон, не очень довольный обретенной свободой, немного подумал, стукнул разок-другой клювом о дерево рамы, но потом все-таки решился. Он с усилием взмахнул крыльями и вылетел из окна.

– Прощай! – Дядя Женя помахал вслед упорхнувшему контрафакту. – К тебе, Ломов, это тоже относится. Не смею далее задерживать.

– Я вернусь, – мрачно пообещал я.

– Да пожалуйста, – ухмыльнулся рыжий менеджер. – Мы живем в свободной стране. Как покупатель ты имеешь право приходить в торговый зал на первом этаже хоть каждый день. С девяти до пяти, кроме субботы и воскресенья. Но как инспектора я жду тебя не раньше, чем через четыре месяца. Ты же знаешь правила...

По закону ФИАП могла проверять торговую точку трижды в год – и первый раз я, дурак, блестяще профукал. Вообразил, что загнал нарушителя в ловушку, и не заметил, как сам туда угодил. Пустые клетки, шум, помет, запахи и подозрения к делу не пришьешь.

Мысленно ругая себя всеми словами, какие мог придумать, я вышел из магазина и сразу увидел на тротуаре контрафактный экземпляр.

Тот самый злополучный ворон с серым перышком в крыле топтался у входа и угрюмо долбил клювом асфальт. Наверное, из-за своего почтенного возраста носитель фонограммы держался в воздухе уже не очень хорошо. Из двора-то он вылететь сумел, но сил хватило ненадолго, поэтому приземлился он неподалеку. Если его оставить тут, им полакомятся уличные кошки. И кто, скажите, будет виновен в этой насильственной смерти? Инспектор Иннокентий Ломов.

– Плохо твое дело, – сказал я, наклоняясь к птице. – Ой как плохо...

Поймав ключевое слово, ворон поддакнул киркоровским баритоном:

– ...плохо сплю, потому что я тебя люблю, потому что я давно тебя люблю...

– Не подлизывайся ко мне. – Я поднял ворона с земли и посадил на плечо. Носитель тотчас же уцепился когтями за мой воротник. – Все ты врешь, никто меня сегодня не любит. Поехали-ка домой.

Глава вторая. Палимпсест

В разные времена эта кооперативная квартира на Менделеевской становилась то плохой, то хорошей, то снова плохой, и будь я не жильцом, а маклером, давно бы спятил от резкого перепада цен.

Пока у нас годами текла крыша и не работал лифт, вставший в кому до моего рождения, еще при генсеке Черненко, наш девятый этаж считался неудобным и непрестижным. Когда мне исполнилось двенадцать, здешний ЖЭК каким-то чудом напряг наличные финансы и полностью перекрыл всю крышу металлочерепицей. Обалдев от такого немислимого счастья, пайщики кооператива солидарно скинулись на швейцарские подъемники от фирмы Schindler. Вскоре все осознали, в каком выигрыше последний этаж: атмосфера наверху не в пример чище, уличного шума не слышно, да и крылатой почте к нам удобнее залетать, не путаясь в гроздьях электропроводки. Я даже мог бы, скажем, парковать у своего балкона личный прогулочный дирижабль – если бы эта игрушка миллиардеров у меня, допустим, была.

Несколько лет подряд я ловил кайф, воображая себя чуть ли не жителем элитного пентхауса. Но за полгода до моих выпускных экзаменов голубиный пейджинг стал стремительно выходить из моды, а мировое увлечение домашними трубами докатилось наконец и до Москвы. Сразу же оказалось, что из-за каких-то технологических заморочек именно в нашем микрорайоне «Би-Лайм» не сможет держать одинаковое давление воздуха на всех уровнях, поэтому до верхних этажей моего дома эсэмэски будут доходить раза в три медленнее, чем до нижних. Для Кеши Ломова эта новость означала только одно: из крутого царя горы он опять превратился в незадачливое чмо...

Тут в мои тягостные детские воспоминания своевольно вмешался контрафактный ворон. Он заворочался у меня на плече и нетерпеливо защелкал клювом.

– Имей совесть! – строго одернул я обнаглевшего носителя. – Помни, ты взят из милости, никакие гражданские права и свободы тебе не положены в принципе. Еще раз посмеешь нацелиться на мое ухо, и о кормежке можешь забыть надолго. Усек, пернатый?

Ворон смиренно каркнул, отодвигая клюв на безопасное расстояние.

– Ну то-то же, – сказал я. – Ладно, я пошутил, голодным тебя никто не оставит. Потерпи, мы почти доехали. Если лифт не застрянет.

Лифт не подвел. Давно разошедшаяся «шиндлеровская» кабина, скрипя тросами, вознесла меня на девятый. Спустя несколько минут я уже раскладывал по местам вещи в прихожей. Ключи от квартиры – на крючок, ботинки – на коврик, счета за свет-газ-воду-телеграф – на гвоздик, свежие газеты – на этажерку, а носителя... куда бы мне тебя пристроить? Ты ведь не думаешь провести всю оставшуюся жизнь у меня на плече? Кешина доброта не беспредельна. Будь доволен, что тебе сейчас подадут роскошный обед из трех блюд.

Зайдя на кухню, я прежде всего налил гостю воды в банку из-под томатного соуса. Потом открыл дверцу холодильника и задумался. Выбор был, собственно, небогат: либо убитая в хлам пшеничная каша, либо обледенелый труп колбасной нарезки. И поскольку каша уже заметно попахивает, а колбаса еще молодцом, выбора нет вообще. Человеку в конце концов тоже свойственно чем-то питаться.

– Пшенка как аперитив, пшенка на первое, пшенка на второе, – объявил я носителю его меню. – Извини, это все, чем богаты. Хотя нет, погоди-ка! Тебе сказочно повезло, я вижу бонус...

За неприкосновенную банку рижских шпрот закатилось яйцо с бледным чернильным штампом на боку. Судя по дате, снести его успел бы еще какой-нибудь мелкий динозавр. Однако ворон – потребитель не капризный. Срок годности продукта ему до фонаря.

При виде еды носитель возбужденно каркнул и забил крыльями. Он еле дождался, пока я раскокаю яйцо в его кашу, все перемешаю и поставлю тарелку вместе с банкой на подоконник, а затем спикировал с моего плеча и снайперски точно приземлился в зазоре между едой и водой, – чтобы сразу трескать и запивать.

На сегодня ему хватит, прикинул я, но дальше одной пшенкой не отделаться. Отечественных носителей надо подкармливать фруктами и орехами. Хотя у дяди Жени на складе вряд ли соблюдался этот рацион. Шоу-бизнес беспощаден: полноценное питание доступно только дорогим болванкам. Если за тебя дают меньше двух тысяч, твой прожиточный максимум – три вяленых дождевых червя в сутки.

Улучив момент, когда ворон, занятый кашей, отвернется от холодильника, я припрятал колбасу в недрах мини-бара. Как только еда немного оттаяет, инспектор Ломов обязательно вернется к ней.

Под деловитый стук клюва о тарелку я наконец освободился от плаща и переоделся в футболку с трехцветным Газмановым и домашние треники, уютно растянутые на коленках. Мне полагалось бы уже сидеть за «ремингтоном», строча покаянный рапорт шефу, но эту неприятную процедуру я, как мог, старался оттянуть. Куда торопиться? Навстречу выволочке? Мне не к спеху. Раз я сегодня проворонил удачу, лишние полчаса ничего не изменят.

Погляжу-ка я лучше почту. Пока хитрый рыжий менеджер втирал мне очки, водил за нос и вешал лапшу, телеграф мог принести что-нибудь очень важное, отчего моя жизнь преобразится навсегда. Например, такое: «ГОСПОДИН ЛОМОВ ВСКЛ ИНЮРКОЛЛЕГИЯ ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕТ КОНЧИНЕ ВСЛЕДСТВИЕ ЛЮМБАГО ВАШЕГО ТРОЮРОДНОГО ПРАДЕДА ДЖЕЙМСА ЛОМОУ ЗПТ АВСТРАЛИЯ ТЧК ЗАКОНУ НАСЛЕДОВАНИИ ВЫ ПОЛУЧИТЕ 80 ПРОЦЕНТОВ СТРАУСОВОДЧЕСКОГО БИЗНЕСА ЗПТ СУММА КАПИТАЛИЗАЦИИ СОСТАВЛЯЕТ...» Жаль, нет у меня за кордоном никакой родни – ни мертвой, ни живой, ни полуживой. Мой молдавский дядя Костя с наследственным циррозом печени, сами понимаете, не в счет.

Почты успело набежать уже метра три. Я взялся просматривать ленту с хвоста и первым делом наткнулся на срочное сообщение. Начиналось оно словами: «ИННОКЕНТИЙ ЛОМОВ ВСКЛ ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЕЕМ...» Что за бредни? Двадцатипятилетие я отметил полгода назад, а других дат в ближайшую пятилетку у меня не предвидится. Заинтригованный, я продолжил чтение: «...ЮБИЛЕЕМ ГТК РОССИЙСКИЙ ТЕЛЕГРАФ ВСКЛ НАША КОМПАНИЯ 200 ЛЕТ РЫНКЕ УСЛУГ СВЯЗИ...» Ах заразы! Я им отдаю за трафик четверть жалованья, и они меня поздравляют со своим юбилеем за мои же деньги! Ну не гады?

Оторвав спам, я сердито смял ленту в комок и смахнул его в корзину для почтового мусора. После чего уткнулся глазами в следующую телеграмму. «ИННОКЕНТИЙ ЛОМОВ ВСКЛ ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЕЕМ...» Тыфу ты черт, неужели опять то же самое? «ИННОКЕНТИЙ ЛОМОВ ВСКЛ...» Отрываем – и в корзину! «ИННОКЕНТИЙ... ИННОКЕНТИЙ... ИННОКЕНТИЙ...» В мусор, в мусор, в мусор!

После двенадцатого по счету «Иннокентия» мне стало ясно, что сегодня мне, помимо мусора, ничего не светит. Брезгливо взяв за хвост остатки бумажной змеи, я занес ее над корзиной и разжал пальцы. С тихим шуршанием спам улетел туда, где ему самое место.

Вот ведь свинство, подумал я сердито. Или даже диверсия. Что, если в «Российском телеграфе» на этой рассылке сидит шпион «Би-Лайма» и злит пользователя нарочно, с тайной целью? Человек у аппарата помучается-помучается с этой макулатурой – а там, глядишь, плюнет и снесет домашнюю телеграфную бандуру в темный чулан. И заведет себе новенькую трубу пневмопочты.

Понятно, что Срочные Местные Сообщения на самом деле не такие уж и срочные: в час пик они отстают от телеграфа. Зато они дешевле. Зато они без спама. Зато, кроме писем, можно пересылать и мелкие вещицы. Причем не только из дома или конторы, а практически из любой

точки города – отовсюду, где есть уличная полосатая будка. Телеграмму твою почтовики могут затерять, но эсэмэска-то никуда не денется. Двадцать первый век – сервис и прогресс...

Однако, Кеша, пора бы тебе заняться рапортом. Служба есть служба. Горестно вздохнув, я двинулся к «ремингтону» – но не прямой дорогой, а почему-то извилистым путем, мимо этажерки, где лежали газеты. И по дороге сам себя уговорил: ничего страшного не будет, если я отсрочу покаяться еще минут на двадцать. Другого случая полистать прессу мне сегодня может и не представиться.

На работе я обычно выклянчивал у секретарши шефа «Российский репортер», «Окна», «Известия», «Курьер» и штук пять таблоидов, так что на дом мне приходили всего две газеты – «Московский листок» и «Новый Коммерсант». Одна для работы, другая для тонуса. Первая хоть и была, на мой вкус, чересчур развязной и попсовой, помогала мне отслеживать новости из жизни кормильцев и главных подопечных нашей ФИАП. Вторая часто злила меня непомерным ехидством, но при этом не давала расслабляться. Страховала от того, что покойный папочка называл внутренним дураком.

Сначала я, как водится, развернул «Листок»: итак, что у нас происходит в гламуре? Вроде бы особых встрясок и цунами нет, обычная позолоченная дребедень, слухи и пиар. Говорят, будто Тарзан женится на Варум, Наташа Королева выходит за Шнура, Земфира делит с Таблеточкой совместно нажитое имущество, а два хоровых коллектива, «Кручина» и «Потешка», уже официально объявили, что сливаются в один – «Кручина-ипотешка». Русский рок опять умер, Титомир опять воскрес – теперь в составе группы «Пипл и алмаз». При контрольном осмотре зала ДК «Локомотив» за час до концерта Бориса Моисеева служебные собаки обнаружили в стенных нишах по обе стороны от сцены двух нелегальных носителей. Если бы план сработал, упущенная выгода составила бы свыше пяти миллионов рублей... Как же, «нелегальных», усмехнулся я про себя, рассказывайте сказки кому другому. Не такой уж Моисеев суперстар, чтобы затевать ради него возню со стереозаписью. Пираты не идиоты. Суеты здесь больше, чем прибыли. Бьюсь об заклад, сам же Боря втихаря и припрятал птичек, чтобы нагреть своего продюсера. Знаем мы эти игры, не первый раз...

Главная культурная новость – на неопределенный срок отодвинули премьеру оперы «Иван Сусанин» в Камерном театре, а режиссера Мефодия Златогорова закрыли в СИЗО за попытку возбуждения ненависти к социальной группе «польские интервенты». С той же формулировкой чуть было не посадили и композитора, но в Следкоме нашелся один знаток музыки, который объяснил коллегам: мол, при всем желании запереть Михаила Ивановича Глинку уже нет физической возможности. Автор публикации осторожно интересовался, не связана ли эта новость с предстоящим визитом в Москву президента Польши Войцеха Дудони, а официальные лица, как и положено, не комментировали никак.

Мир авторских прав тоже особыми катаклизмами не баловал: так, мелкие пакости. В кампанию «Дождем Макара!» включилось, увы, и мое ведомство, обвинившее Андрея Вадимовича в контрафакте: мол, за название своей группы он должен был еще в допотопные времена заплатить отступные наследникам писателя Герберта Уэллса. А раз он не заплатил, то бренд «Машина времени» у него официально отбирается. «Ну и подавитесь, – будто бы сказал на это Макар, выйдя из здания Краснопресненского суда и хряснув гитарой о колено. – Не больно-то и хотелось». А через сутки объявил о ребрендинге и переименовал своих ветеранов в «Хронометр»...

Я подумал, что защита копирайта как-то незаметно стала выгодным бизнесом. Скоро на работу к нам в ФИАП будет так же сложно устроиться, как на таможню. Еще три года назад мы сидели на госбюжете, и вот теперь наш премиальный фонд уже на две трети состоит из отчислений от штрафов, пеней и выплат РАО. Покойные Ленин, Маркс и Элвис по всему миру гребут такие бабки, какие им при жизни и не снились. Арбитражи завалены исками, все судятся со всеми, тяжбы выходят на межгосударственный уровень. У Греции с Македонией чуть до

разрыва дипотношений не дошло из-за прав на бренд «Александр Македонский». Окажись сегодня среди нас та знаменитая евангельская четверка, авторы-апостолы легко бы отжали с издательств кругленькую сумму за контрафактные тиражи Нового Завета – если бы, конечно, до того насмерть не переругались между собой, выясняя, кто что у кого списал, чья версия круче и, главное, кому из них четверых по закону дозволено подписать эксклюзивный договор с серией «ЖЗЛ»...

Сбросив на пол надоевший «Листок», я занялся газетой для умных.

Вчерашний день прошел в стране и мире скучно: стихийных бедствий и терактов не случилось. Ни один танкер не затонул, ни один дирижабль не навернулся, ни один альпинист не угодил под лавину. И даже небольшой потоп в подвале Российского государственного архива удалось ликвидировать без жертв и разрушений.

Тишь да гладь. Скандалы – и те предсказуемы. Официальный Киев опять обратился в Страсбургский суд с иском, требуя наказать спикера МИД России Марину Архарову за три нецензурных слова в докладе «Укронацизм – угроза миру и прогрессу», произнесенном на конференции в Тегеране; анонимный источник в российском МИДе, не балуя разнообразием, выступил с дежурным разъяснением: поскольку-де в России цензура запрещена, то само понятие «нецензурный» лишено юридического смысла...

Что еще? Роскомнадзор в очередной раз наложил временный запрет на столичный блог оппозиционера Андрея Наждачного. По закону о СМИ нельзя просто сдирать личные дацзыбао граждан с оплаченного ими стенда на Пушкине, зато их можно элементарно заслонить. Вчера приставы подогнажи к стене щитовую тележку и перекрыли обзор речным пейзажем (голубое небо, желтое солнце, зеленая вода) два на три метра. Теперь и к блогу не подобраться, и комментариев не оставить. А попробуешь тронуть пейзаж, сразу выяснится, что эта мазня – культурная ценность, и тебе же впаяют за порчу госимущества. Мелким шрифтом газета напоминала, что летучий аудиоблог оппозиционера для полиции по-прежнему труднодоступен: только в Москве и Московской области сторонники Наждачного собрали по подписке деньги на еще четыре сотни фирменных носителей – и попробуй-ка всех вылови!

Тем временем со стапелей в Северодвинске сошел новый грузовой цеппелин. Точнее, он сошел бы месяцем раньше, в середине апреля, но дело застопорилось из-за названия. В проект одинаково вложились мэрия Москвы и правительство Татарии, так что когда столичный мэр Модест Масянин решил назвать воздушное судно «Дмитрий Донской», в Казани заартачились и выдвинули встречное предложение – «Хан Тохтамыш». Федеральному центру в лице премьера Михеева пришлось вмешаться и продавить компромиссный вариант – «Николай Коперник». В конце концов, с тем, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, никто не спорил.

Половина первой полосы «Нового Коммерсанта» была отдана под выступление президентского советника по нацбезопасности Ростислава Рыбина на всероссийском слете учителей. Саму пространную речь печатали в пересказе, а смысл ее прочитывался уже в трех начальных абзацах: чиновник опять бодался с техническим прогрессом. В третье тысячелетие, доказывал Рыбин, страна входит слишком уж поспешно, и граждане, особенно молодые, к этим темпам не готовы. Шариковые ручки уродуют почерк, арифмометры отбивают охоту учить таблицу умножения, пневмопочта провоцирует лень и приводит к инфарктам, дизели грозят глухотой, электроплиты чреватые бытовым травматизмом, фастфуды вызывают ожирение, а также диарею и утрату национальной самобытности. И все, вместе взятое, сильно бьет по обороноспособности, которая в условиях экономического кризиса и американских санкций и без того оставляет желать сами знаете чего.

Публикацию сопровождал краткий комментарий журналиста Акима Каретникова, исполненный глумливого сочувствия к президентскому советнику. Выходило, что все беды, упомянутые в выступлении, должны обрушиться на самого оратора: дача в Истринском районе

оборудована и пневмопочтой, и двумя аварийными дизелями. В его кабинете имеются электрокамин, тостер и даже американская электрическая счетная машинка – раза в три шустрее нашей механической. Даже внутри корпуса рыбинского «паркера», чернильного на вид, спрятан стерженок шариковой ручки, а в сигаретных пачках с надписью «Прима» – британский «Данхилл», дорогуший сорт!

Хихикнув про себя, я подумал: ну красавчик! И как он это раскопал? Под кроватью, что ли, притаился? Под окнами дежурил с полевым биноклем? Или прятался в стенной нише, как попугай у Моисеева?

Мне, как и журналисту «НК», тоже не нравился Рыбин. Он даже здесь, на литографии в газете, выглядел неприятно: белесая шевелюра, маленькие глазки и квадратная морда утюгом. Если бы сбылись мечты этого деревенского выскочки, мы бы ходили в лаптях, брились бы серпами и говорили «надысь». Будь моя воля, я бы тихо задвинул куда-нибудь поглубже выдвиженца Рыбина и дал бы больше полномочий прогрессисту Владлену Сверчкову – еще одному президентскому советнику, по той же самой безопасности. В отличие от Рыбина Сверчков сегодня немного в тени. То есть во власти и при должности, но как бы не в фаворе...

Портрет второго советника, элегантного брюнета с усиками и в тонких очках, был напечатан на той же странице, и Каретников под конец статьи тоже пускался в рассуждения об этих двух персонажах. Будто бы Рыбин и Сверчков – лютые конкуренты и поэтому все время грызутся друг с другом под ковром, а Кремль их нарочно тасует в связи с международной обстановкой. Когда потепление с Европой, достают из-под ковра Владлена во фраке и с бабочкой. Когда же (как сейчас) мы показываем Европе тыл, выпускают Ростика в армяке.

Статьи Каретникова мелькали в газете по несколько раз в неделю, но их автора я никогда не видел – ни живьем, ни на литографии. Может, человека с такой фамилией и вовсе нет, а вместо него у «НК» целая обойма одинаково зубастых журналюг? Запас остроумия у каждого собственный, но псевдоним на всех один.

Я долистал до страницы о бизнесе и уже изготавился читать статью о сегодняшнем форуме по экономике и о том, кто из наших магнатов будет выступать, но не успел: на кухне что-то упало и с пронзительным звоном рассыпалось на мелкие стекляшки, а из кухонной двери вылетела и пронеслась надо мной на бреющем черная тень. Бац! – прямо в центр газетного листа, между портретами Абрамовича и Костанжогло, жирно впечатался колбасный овал. Сам возмутитель спокойствия, пометавшись под потолком, уцепился когтями за багет и затаился в складках штор.

То-то я давно не слышал стука клюва о тарелку! Надо ведь было догадаться: тишина эта неспроста. Носитель, оказывается, давно умял свою пшенку и, не удовлетворившись ею, захотел продолжения обеда. Летучий засранец выследил колбасу, которую я спрятал в мини-баре, но прикончить ее по-тихому не удалось. Ловкости не хватило прошмыгнуть между бутылками без шума.

– Ну ты и вреди-и-и-итель... – протянул я вслух.

Запасы спиртного и съестного у меня равновелики, то есть равно ничтожны. Бутылки в мини-баре в основном пусты и стоят для антуража. Чего мне жаль, так это рома «Бакарди», припасенного для коктейля: все сто граммов экзотики разлетелись по кухонному кафелю вперемешку с осколками стеклотары. Вместе с остатками кубинского рома утекли и надежды на грядущую порцию «Мохито». Хотя, по правде говоря, лайма и мяты у меня дома тоже нет... как, впрочем, и обычной еды. Шпроты не в счет. Покупка пирожков в подземном переходе опять становится неизбежностью.

Следующие четверть часа я уныло провозился с веником, совком и тряпкой, очищая кухню от мелких и мельчайших осколков. И, пока убирал, мысленно проигрывал разные способы воспитания носителя. Никаких ему поблажек, буду внедрять суровый метод Макаренко. Раньше я готов был произвести раскопки в чулане и извлечь клетку сорок на семьдесят, где до

позапрошлого года жил کنار Гарри, но теперь решил потомить ворона в карцере вдвое меньшего размера. Пусть проникнется чувством вины, это полезно. Придется, правда, на некоторый срок ущемить интересы обоих моих скворцов. Фридриха временно пересажу к Карлу, а в клетку Фридриха запру гостя.

Так я и сделал. Но всех последствий учесть не мог. Два моих домашних скворца, подвергшихся уплотнению за чужие грехи, оскорбленно затрещали вдвоем на птичьем языке. Как выяснилось чуть позже, это было лишь началом акции гражданского протеста, увертюрой, легкой артподготовкой. Потому что едва я впихнул нарушителя в освободившуюся клетку, Фридрих с Карлом подняли в унисон оглушительный стрекот невиданной силы. Скворцов обычно не используют для записи хеви-метала – дышалка слабая, связки бедноваты, – но эти двое могли бы, пожалуй, вытянуть даже пару хардрокковых композиций Scorpions. Казалось, крикучих ревнивцев у меня не двое, а по меньшей мере штук пятьдесят одновременно.

Такой резкой обструкции от Карла с Фридрихом не ожидал ни я, ни тем более ворон. И без того деморализованный, он запаниковал. Ответно каркнул, забился о прутья, а потом сделал отчаянную попытку высунуть клюв наружу и ухватить меня за палец. Палец-то я, положим, успел отдернуть, но саму клетку не удержал.

Птичий карцер выскользнул у меня из рук, стукнулся об пол ребром круглого деревянного доньшка, заваливаясь набок. Путья скрежетнули по гладкому паркету. Стальной решетчатый футляр с пленным носителем внутри шумно прокатился по комнате вдоль всего плинтуса, врезался в ножку стула, изменил траекторию, отскочил в сторону книжного шкафа и застрял глубоко под ним. Когда я с третьей попытки сумел-таки извлечь пыльную клетку при помощи швабры, ворон выглядел жалкой кучкой взъерошенных перьев. Засунув голову под крыло, он пребывал в прострации: начисто игнорировал меня, скворцов-бузотеров, а заодно и весь окружающий мир.

Карл с Фридрихом, умолкнув, виновато переглядывались. Парни они, в общем, не вредные. Легкая победа их не обрадовала.

– Эх, мелочь пернатая! – обратился я к скворцам. – Где ваше гостеприимство? Ладно еще я, человек без понятия, нечуткий царь природы и все такое, но вы-то! Вы ведь сама природа. Зачем обидели зазря брата по фауне? Квадратных сантиметров для него пожалели? А еще говорят: носитель носителю глаз не выключет...

Скворцы дружно устыдились, но до примирения всех сторон было далеко. Вороны обидчивы, как женщины. Оскорбить носителя проще, чем заладить потом свою вину. Собаку или кошку ты, допустим, можешь приласкать, а вот с воронами эти дешевые штучки уже не проходят. Попытку тактильного контакта они сочтут новой угрозой.

К счастью, за время службы в ФИАП я набрался навыков общения с пернатыми. Путь к миру и согласию обычно проходит по слуховому нерву. Незнакомые звуки раздражают, зато привычные успокаивают.

Я поставил клетку на стол возле «ремингтона» и с осторожным слабым дзыньканьем провел по прутьям ногтем большого пальца.

Ворон по-прежнему делал вид, что оглох, ослеп и почти умер.

– Да ладно тебе, – вполголоса сказал я носителю, – хватит изображать из себя жертву домашнего насилия. Мы оба с тобой были по-своему не правы. Пора признать ошибки и заключить мир. Ты не обворовываешь хозяина, а я переселяю тебя из камеры в хоромы.

Ворон высунул из-под крыла один глаз и снова спрятал.

– Колбасу, раз уж начал, можешь добить. – Я протолкнул сквозь прутья недоеденный кружочек. – Считай это жестом доброй воли.

Еще несколько секунд носитель хранил оскорбленное достоинство, но потом все же высунул наружу клюв и ловко цапнул кружочек. Раз – и от колбасы осталось только воспоминание. Надеюсь, приятное.

– Вот и поладили, – сказал я. – Обиды побоку? Мир-дружба?

Ворон повертел головой, встряхнулся и вдруг отчетливо произнес:

– Др-ружба...

Сделал паузу, прокашлялся, а затем продолжил:

– ...между нашими нар-родами тепер-рь будет кр-репнуть. Невзир-рая на пр-роиски английский импер-риализма...

Так-так, носитель поймал ключевое слово, и пошло воспроизведение записи. Значит, голову он, когда падал, не зашиб и с памятью у него по-прежнему все в порядке. Вот только я в упор не припомню у Киркорова в альбоме похожей текстовки. «Я не Рафаэль»? Нет. «Примадонна»? «Магдалена»? Чушь, даже близко нет ничего такого. Уж не говоря о том, что и голос здесь какой-то совсем не Филиппа. У того сроду не было акцента, тем более кавказского, а у этого есть, и притом сильный: «дрюжба» вместе «дружбы», «тэпэр» вместо «теперь», «ымп-эриализма» вместо «империализма».

Кто это – Кикабидзе? Меладзе? Павлиашвили? Цискаридзе? Хотя стоп, минутку, Цискаридзе вроде бы не поет, а пляшет. Правда и этот, который с акцентом, тоже, по-моему, ни черта здесь не поет. Даже ведь не старается, халтурщик. Я не улавливаю ни музыкальной, ни ритмической основы. Не рок и не рэп. Оперный речитатив? Вряд ли. Голос не поставлен, явно не профи. Какой олух на студии додумался закачать на болванку эту художественную самодетельность? Или, может быть, это вообще не студийная запись? И сделали ее не только что, а существенно раньше?

Ежегодно в ФИАП присылают разных лекторов, чтобы повысить нашу квалификацию. Мне как молодому специалисту с незаконченным высшим положено посещать все занятия. О чем я, кстати, не жалею: лекторы в основном дельные, натаскивают грамотно, отвечают на вопросы без гонора. В прошлом сезоне историк из МГУ рассказывал нам про палимпсесты – древние рукописи на пергаменте. Чтобы нанести свежий слой, надо было соскоблить прежний, так что каждое новое поколение писцов уничтожало работу предыдущего.

В отличие от пергамента память носителя не надо очищать. Можно записать дорожку сверху, и предыдущая тоже останется. И предпредыдущая. И предпредпред. Всего птица может запомнить до трехсот мелодий или до ста пятидесяти песен, но так глубоко носителя обычно не грузят: если у тебя нет ключевого слова, замучаешься перелистывать слои. Это ведь не книга, оглавления в конце не будет. Хотелось бы знать, подумал я, откуда пираты взяли болванку? Теоретически – откуда угодно. То есть под Филиппом неопознанных записей может быть еще часов на пять...

Я не стал дожидаться, пока кавказец закончит разборки с английским империализмом, а достал расческу с мелкими зубчиками и легонько провел по прутьям клетки, чтобы промотать запись.

Носитель каркнул, поперхнулся очередной «дрюжкой», послушно перепрыгивая на полчаса вперед как минимум. Кавказец пропал – вместо него возник, скорее всего, немец. Похоже, я угодил не в начало, а куда-то в середину его текстовки. Ритмично шелкали, падая одна на другую, отполированные тевтонские костяшки: зиммельн – дриммельн – фройндшафт – херр – цум – байшпиль – натюрлих...

А это еще кто? Кто-то из группы «Крафтверк»? Новый солист из «Раммштайна»? Фиг с ними, все равно я слов не разберу. В школе у меня основным иностранным был английский, факультативным – испанский, и в обоих я до сих пор плаваю у берега. Помню, в пятом классе я уверенно переводил реасетакер – миротворец – как «писающий мальчик». Впрочем, в языке Шиллера я вообще тону. Однажды в фирменном бирхалле на Сретенке я минут сорок разбирался в оригинальном меню, и в результате мне вместо нормальных охотничьих сосисок к пиву принесли какие-то склизкие водоросли, да еще содрали за них треть моей зарплаты.

Я уже занес расческу, чтобы промотать непонятого немца куда подальше, но тут он закончился сам собой. Ему на смену опять явился русский – теперь уже безо всякого акцента, вежливый и правильный, бесцветный и бестелесный. Таким голосом волнистые попугайчики из вагонов метро объявляют следующую станцию.

– Господин министр хотел бы выразить благодарность товарищу Сталину за то, что...

Подскочив, я чуть не опрокинул клетку с носителем. Товарищу Ста-ли-ну?! Ох и ни черта же себе сюрпризик!

Глава третья. Продать прадедушку

– Стой, птичка, назад! – Я торопливо качнул клетку, чтобы носитель умолк и можно было перезапустить фонограмму. – Давай-ка еще раз с самого начала. Дру-жба. Ну же, дорогуша, зажигай, не жмись. Колбасы у меня все равно больше нет... Дру-жба. Дрю-жьба!

Ворон потерял головой о прутья и начал с того же места:

– Др-рюжьба мэжду нашими нар-родами тэпэр-р будэт кр-рэпнуть...

На этот раз я слушал запись с совсем другими чувствами. Гортанный кавказский акцент отзывался в моих ушах нездешней музыкой. В содержание речи я даже не пытался вникать – какая разница? Сердце трепетало, по спине бежал холодок, под ложечкой сладко сосало, а перед глазами прыгали большие цифры с огромными нулями. Если это действительно Сталин, лихорадочно думал я, то мой сегодняшний провал в магазине «Сиди и слушай» – вовсе не провал, а, наоборот, знак судьбы, счастливый лотерейный билет, пропуск в прекрасный мир, где не надо ездить на работу с двумя пересадками и покупать к обеду пирожки в подземном переходе.

Вопреки легендам о повсеместном долголетии говорящих пернатых, средний возраст нашего носителя обычно не превышает пятидесяти лет, а импортного – сорока. Однако бывают исключения: при хорошем уходе или удачном раскладе носитель может прожить и сто, и сто пятьдесят, в отдельных случаях даже перевалить за двести.

Такие птичьи дедушки и прадедушки на особом счету. Все, что вылупилось из яйца до середины прошлого века, считается антиком. Сам по себе почтенный возраст еще не означает высокой цены, но в тех случаях, когда антика удастся разговорить и выудить слова из прошлого, его рыночная стоимость подскакивает.

Около года назад во Франции умер попугай, принадлежавший одному из наполеоновских гренадеров, участников русского похода. Ничего особо ценного первый владелец носителю не рассказывал – так, жаловался на хронические болячки и холодные сортиры. Тем не менее историки смогли вписать в учебники две-три новые строки, а последний хозяин птицы успел получить нешуточные комиссионные. И это лишь за голос неизвестного солдата! Если бы на антикварном носителе оставила след какая-то историческая шишка – сам Наполеон, к примеру, – сумма стала бы заоблачной.

По статистике, среди ста тысяч носителей реальных антиков не больше сотни. Из тысячи антиков только два-три общались со знаменитостями и записали оригинальные фонограммы. Я читал в «Известиях», что на аукционе «Сотбис» за гиацинтового ара с официальной записью первой речи британского премьер-министра Черчилля в палате общин недавно отвалили три миллиона фунтов. Англичане вообще ценят антиков больше, чем кто другой. Традиция, что ли, такая? В Лондоне их знаменитый Тауэр до сих пор охраняют двенадцать воронов-ветеранов, с тремя из которых лично говорила королева Виктория. Если этим птицам повезет прожить еще лет десять, то они будут стоить дороже здания, которое стерегут.

Чужие вожди ценятся на Западе, ясное дело, подешевле, чем их собственные, но тамошние богатые коллекционеры антиков хватают сегодня любые фонограммы. Тем более что голосовой отпечаток Сталина на носителях сейчас куда большая редкость, чем голос того же Черчилля. При жизни генерального секретаря, конечно, велась подробная запись, но вскоре после его смерти Москву накрыла внезапная вспышка птичьего гриппа, и в архивах почти ничего не осталось. Поэтому на «Сотбис» за носителя со сталинской фонограммой должны отвалить не меньше чем полмиллиона фунтов.

– Дорогой ты мой... – Я бережно приподнял и опустил клетку, не дожидаясь окончания речи. Лучше бы мне пореже проигрывать эту запись, чтобы раньше времени не заездить бесценную дорожку.

Ворон умолк и тут же протиснул кончик клюва между прутьями, ожидая поощрения. Делать было нечего – пришлось идти на кухню, вскрывать для вымогателя заветную баночку шпрот и перекладывать на отдельный подносик горку безголовых рыбок. Ешь, золотой, ешь.

Пока носитель расклеивал последние остатки съестного, я думал о том, на что потрачу деньги. По правде говоря, у меня уже давно вымечтался стройный план, как обойтись с внезапным зарубежным наследством, или, допустим, с найденным в огороде кладом Ивана Грозного, или с джекпотом в Спортлото, или с прочими столь же фантастическими незаработанными деньгами: купить квартиру на Воробьевых горах, поставить себе настоящий «сименсовский» телеграфный аппарат и заказать собрание Моцарта на пяти фирменных носителях. Затем взять отпуск минимум на полгода, валяться на диване, смотреть на Москву свысока, грызть фисташки, читать книги, листать комиксы, слушать нетленную классику и ловить кайф. И чтобы никакого тебе Филиппа Киркорова, ни-ни...

Однако все это счастье бездельника возможно при одном условии: если моя птичка – подлинный антик, а не новодел.

Первое, что проверяют эксперты «Сотбис», – биологический возраст носителя. За новоделов при качественной перезаписи тоже удастся кое-что выручить, но это уже совсем не те деньги. Копию можно сбавить историкам, а коллекционерам подавай оригиналы.

Я внимательно пригляделся к носителю. Судя по цвету радужки, окрасу клюва и размеру зрачка, моему сокровищу никак не меньше сороковника. Это – нижняя граница. Верхнюю мне на глазок ни за что не определить. Придется действовать строго по науке. Метод небыстрый, немного болезненный, зато сегодня самый надежный.

– Извини, бриллиантовый...

Пользуясь тем, что ворон углубился в шпроты и временно ослабил бдительность, я коварно просунул сквозь прутья клетки пинцет. Носитель, увлеченный едой, не сразу заподозрил подвох, а когда почуял неладное и каркнул возмущенно, было уже слишком поздно: одно из его рулевых перьев оказалось у меня в руке.

– Все-все, ешь и успокойся, – сказал я расстроенной птице, – больше никаких жертв, обещаю, это первая и последняя. У тебя ведь при себе нет паспорта с датой рождения, верно? Вот мне и приходится искать ее опытным путем. Если нам с тобой повезет, твой новый хозяин будет кормить тебя не шпротами, а такими сказочными суперделикатесами, какие мы, простые инспекторы ФИАП, не то что попробовать – даже вообразить себе не можем...

Я ножиком откромсал двухсантиметровый кусочек очина у основания стержня пера, упаковал трофей в маленький конвертик из вощенной бумаги и на мгновение задумался: кого из скворцов послать к Горчакову – Карла или Фридриха? Ладно, пусть летит Карлуша. Все-таки Фрица иногда подводит зрение. Недавно он перепутал два здания с колоннами и вместо МУРа влетел в Большой театр.

Вытащив скворца из клетки, я аккуратно обернул конвертик вокруг птичьей лапки и примотал его тонкой полоской скотча. Следующая фаза – набубнить месседж. Для этого я поднес Карла поближе к лицу, щелкнул пальцами, чтобы привести носителя в рабочую готовность, и медленно, по слогам, озвучил шрайб-команду:

– Ле-бе-да!

Скворец вздрогнул, зажмурился и замер. Теперь можно было писать.

– Привет, Сережа! – сказал я. – Это Иннокентий. В аттачменте высылаю образец. Будь другом, проверь его вне очереди. Когда получишь результат, сразу телеграфируй мне домой. С меня пиво.

Для проверки качества записи я вновь щелкнул пальцами. Карл дисциплинированно ожил, раскрыл глаза, встряхнулся, почистил перышки, а затем произнес моим голосом с моими интонациями:

– Привет, Сережа! Это Иннокентий... – и дальше слово в слово.

Спасибо вам, о великий Зэ-Эф, уже в сотысячный раз поблагодарил я про себя венского старца. Вечный респект вам от всех, кто наделен слухом и голосом, и особенно от тех, кто в шоу-бизнесе работает или, как наша служба, им кормится. Будь я не рядовым инспектором Кешей, а моим шефом Львом Львовичем, я бы через мэрию продал установку памятника у здания ФИАП. Не обязательно огромного монумента, как в Австрии или в Штатах. Пусть это будет скромная скульптурка в один человеческий рост. Небольшой такой монументик: бронзовый Зигмунд Фрейд с носителем на плече.

Всем известно, что птиц в качестве звуковых носителей люди использовали с древнейших времен. А вот современная музыкальная индустрия началась каких-то сто лет назад – с маленькой книжечки «Мы и Они» тогда еще ничем не знаменитого зоопсихолога из Вены. Экспериментируя с ручным пальмовым какаду, Фрейд первым обнаружил, что звуковое сочетание открытых слогов с начальными lbd – скажем, «лебедя» или «лабуда» – действует на некоторых птиц особым образом: вводит их в транс, концентрирует внимание и настраивает на запись. Конечно, и раньше среди птиц попадались продвинутые особи, способные запоминать все с первого раза, но обычно носителей приходилось натаскивать подолгу. Промышленная запись в таких условиях была исключена. Учение о шрайб-команде все изменило – штучный процесс можно было ставить на конвейер.

Впоследствии шрайб-команд оказалось куда больше одной – целая дюжина. Рядовые юзеры в быту пользуются сегодня двумя, самыми несложными. Я по долгу службы знаю четыре, а мастерам, которые пишут студийные фонограммы, знакомо не меньше десятка команд: их варьируют в зависимости от характера записи и вида болванок. Впрочем, для коротких устных месседжей наилучшим образом подходит все та же старенькая «лебедя». Дедушка Фрейд свое дело знал.

Я погладил толкового Карлушу указательным пальцем и усадил его на плечо. Теперь, когда послание записано, посланника надо сориентировать. Для этих целей у меня на стене, между зеркалом и портретом разведчика Фишера, висела новейшая карта Москвы, вид с высоты птичьего полета. Издание Министерства обороны, цветная печать, формат метр двадцать на метр, тираж тысяча нумерованных экземпляров. В обычных магазинах такой редкости днем с огнем не сыщешь, но мне как сотруднику ФИАП одну удалось раздобыть. При подготовке этой карты три тяжелых военных цепелина – «Кострома», «Лев Толстой» и «Святитель Епифаний» – двое суток барражировали над Москвой, сверяя увиденное сверху с работой наземных картографов. Зато уж план получился отменным: масштаб соблюден, каждый дом занял свое место. В том числе и особняк на Петровке, 38. Я капнул воды в кюветку с полусаохшим клейстером, обмакнул в него просяное зернышко и прилепил к зданию МУРа.

– Вот твоя цель, – сказал я скворцу, поднося его поближе к карте. – Ты был там уже раз тридцать, не заблудишься.

Умница Карл ловко вспорхнул с моего плеча к потолку, заложил вираж и на лету склевал зернышко с МУРа. После чего, сделав прощальный круг по комнате, канул в раскрытую форточку. Дальше я должен был набраться терпения и ждать результатов экспертизы.

Мне повезло родиться в начале девяностых: еще сравнительно недавно всех нынешних методик, которыми пользуется криминалист Сережа Горчаков, не существовало. Хотя сама идея уже витала в воздухе.

«Бесполезных научных открытий не бывает, – помню, объяснял нам на лекции по физике специально приглашенный доцент Иванченко. – Рано или поздно любая ерунда на что-нибудь обязательно сгодится. Когда у Марии Кюри завяла комнатная герань и мадам Кюри случайно открыла радий, ее коллегам казалось, что в мире никому, кроме дюжины теоретиков, это не понадобится. Но прошло всего полвека – и гениальный мистер Либби придумал радиоуглеродный анализ. Сегодня ученые могут узнать возраст всего на свете, от только что сорванного эдельвейса до окаменевшего трилобита...» Конечно, все птицы периодически линяют, но

среди их рулевых перьев есть около дюжины, линьке не подверженных. Они могут держаться всю жизнь. Именно одним таким пришлось пожертвовать для анализа.

Жалко, что старому ворону, лишившемуся пера, этих премудростей не растолкуешь. Носитель опять впал в мрачную задумчивость и не желал из нее выходить. Даже обещанное переселение из тесной скворцовой клетки в бывшие апартаменты кенара Гарри почти его не обрадовало. Будь у меня в заначке еще одна банка шпрот, я бы уж наверняка сумел задобрить птицу. Но из еды оставалась только жалкая горсточка проса. Отбирать у скворцов их ужин я не мог.

– Твоим полетам не повредит потеря одного пера, – утешил я носителя. – Зато у нас будет международный сертификат. На любом аукционе, включая «Сотбис», экспертизу Горчакова зачтут не глядя.

Я подумал, что если бы у всех московских городских была всего одна десятая часть репутации Сережи Горчакова, мы жили бы сейчас в самом безопасном на свете городе. Пока же любой москвич, в том числе и работник ФИАП, легко мог огрести по башке в своем же собственном подъезде. И почему нашим инспекторам не выдают табельное оружие? Мы ведь тоже какие-никакие, но силовики, а шеф, хоть и ходит в штатском, имеет звание генерал-майора.

Вспомнив о шефе, я тотчас же вспомнил и о рапорте. Полмиллиона лондонских фунтов – дело прекрасного будущего, а моя родная контора существует в реальном времени. Так что отчитаться о бесславном походе в музыкальный магазин мне придется уже сейчас.

Деваться было некуда: с тяжелым вздохом я заправил в каретку «ремингтона» два листа, переложенных бледной копиркой, сверху отбил нашу обычную шапку – «Директору Федеральной инспекции по авторским правам Ромодановскому Льву Львовичу от инспектора И. В. Ломова. Рапорт» – и надолго задумался. Нагло врать шефу не хотелось, но и писать полную правду я не мог. Надо было как-то исхитриться выбрать из всех возможных версий правды такую, чтобы моя крупная лажа выглядела легкой производственной недоработкой.

«15 мая с.г., – отпечатал я наконец, – при выполнении планового проверочного визита в магазин ООО “Сиди и слушай”, расположенный по адресу: Охотный Ряд, дом 28, строение 1, мною было досмотрено, с согласия главного менеджера, г-на Шишкарева Е. П., складское помещение на предмет обнаружения контрафактной продукции, которая, по косвенным признакам, могла иметь место. Однако...» Черт, и почему я, например, не санитарный или там пожарный инспектор? Эти-то всегда найдут, к чему придраться. А мы вот... Ладно, поехали дальше: «в указанном помещении явных свидетельств, которые определенно подтверждали бы наличие...»

Дзынь-дзынь-дзыыыыыынь-дзынь-дзынь! – мои творческие муки были прерваны звонком в дверь. Вернее, пятью звонками подряд.

По их длине и последовательности я догадался, кто ко мне пришел и, главное, в каком она настроении. Точка-точка-тире-точка-точка на языке морзянки означают букву «Э». Мне заранее намекали: и не надейся, мы в ссоре. Будь моя гостя в хорошем расположении духа, я бы услышал другое: один короткий звонок, один длинный и два коротких – то есть букву «Л». В раннем детстве, когда она жила в соседнем подъезде и мы еще только дружили, нам пришлось выучить азбуку Морзе, чтобы перестукиваться через стенку.

– Привет, Лина, проходи, – сказал я, впуская ее в квартиру. – А чего это ты звонишь в дверь? У тебя ведь есть свой ключ.

Одета она была, как всегда, умопомрачительно: ярко-красное пончо, белая блузка с кружевами и юбка-макси – опять-таки красная. Где же это сочетание цветов мне уже встречалось? Ах да, в коллекционном издании «Трех мушкетеров» с раскрашенными литографиями. Я сам ей подарил такое в седьмом классе. Ей бы еще красную шапочку на голову – была бы вылитый кардинал Ришелье.

– Здравствуй, Иннокентий. – Моя кардинальша остановилась в прихожей, выставила передо мной серебристую сумочку как щит, всем видом показывая, что дальше ни за что не сдвинется. – Я как раз собиралась его тебе вернуть. Окончательно. Да. Я думала, раз ты сегодня на службе, я без разговоров кину ключ в почтовый ящик. Но ты так громко, на весь дом, барабанил на своем «ундервуде», что даже глухой догадался бы: ты еще дома.

– Не «ундервуде», – машинально поправил я. – «Ремингтоне».

Ее суровость и этот официальный «Иннокентий» вместо «Кеши» подтверждали мои опасения: я снова что-то сделал не так и опять оказался черствым, невнимательным, невоспитанным, эгоистичным поганцем. С другой стороны, никто ей не мешал положить ключ поганцу в ящик и гордо удалиться. И кстати, на первом этаже, где у нас висят ящички, стук «ремингтона» уж точно не слышен.

– Вот именно, – произнесла Лина, нервно наматывая на палец бахрому пончо, и повторила громче: – Вот именно! О чем я и говорю. Как называется твой печатающий агрегат, ты отлично помнишь, но когда ты должен ответить на мою срочную телеграмму, у тебя сейчас же начинаются жуткие провалы в памяти.

– Лина, дорогая, клянусь, я не получал никакой твоей теле...

– Ну конечно же ты ее получал, в этом я не сомневаюсь! – железным прокурорским тоном перебила меня гостья. – И не смей больше называть меня этим огрызком имени. Что еще за Лина? У меня, как тебе известно, есть красивое полное имя – Эвелина, первая буква «Э», запомни его, пожалуйста, в конце-то концов... И вообще, по какому праву ты меня все еще держишь в прихожей? Я тебе кто – почтальон? Разносчик пиццы? А ну, посторонись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.